

ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ

Галина КОМАРОВА

Пожалуй, очень и очень немногие артисты могут с уверенностью сказать, что, придя со студенческой или студийной скамьи в театр, они сразу нашли свое творческое «я», свою единственную верную дорогу в искусстве. Так бывает очень редко, и неизвестно еще, насколько это хорошо или плохо.

Сомнения и надежды, взлеты и падения, находки и просчеты — таков удел всех ищущих своего, и только своего, пути. И дело не в определении пресловутого «железного» амплуа, которое зачастую только ограничивает актера. Дело в поисках такого своего героя, в котором наиболее полно и ярко смогла бы раскрыться творческая индивидуальность актера.

Начало сценического пути Галины Комаровой — артистки Театра им. В. Ф. Комиссаржевской — тоже не было усыпано «розами и лилиями». В нем было все — и удачи, и неудачи, и роли, наполнявшие сердце радостью и гордостью, и такие, от которых хотелось либо плакать, либо злиться, либо иронически посмеиваться.

Что может быть хуже для ищущей актрисы, обладающей незаурядными способностями и весьма привлекательными внешними данными, играть, как говорит сама Комарова, «женщин только красивых» или «вампиров с обнаженными плечами»? Что может быть обидней, чувствуя, что тебе ближе и по темпераменту и по внутреннему складу одна героиня, играть совершенно другую по характеру женщину. Так было, например в «Волках и овцах», где Комарова по воле режиссера вместо роли Купавиной играла... Глафиру. Так было и в некоторых других спектаклях. Так было с ролью, о которой Галина Комарова до сих пор не может вспоминать без огорчения: это Анна Керн в пьесе Л. Дзюлы «Пушкин». Зритель требовал «гения чистой красоты», а пьеса давала образ веселой, кокетливой, остроумной женщины. Этого актриса не приняла — отсюда провал.

Может показаться странным, что я так много говорю о неудачах, — ведь, когда пишут так называемый творческий портрет, как правило, принято только хвалить. Оговорюсь сразу. Были, были в начале сценического пути Комаровой и серьезные удачи: можно назвать самоотверженную и обаятельную Варю из «Порт-Артура», и Джен из пьесы Якобсона «Шакалы», и Елену Череду из хорошего романтического спектакля «Светите, звезды». О неудачах же я заговорил оттого, что мне о них рассказывала более подробно, чем о победах, сама Комарова. А это, как хотите, говорит не только о скромности, но и о большой требовательности к себе, о настоящей творческой принципиальности.

Эти качества, а также непрестанные поиски отличают актрису и сейчас, хотя сейчас, как мне кажется, она уже очень близка к тому, чтобы четко определить и раскрыть свое актерское «я». Это не значит, что Комарова ставит себя в жесткие рамки однозначных ролей. Нет,

она актриса очень широкого диапазона. Достаточно посмотреть несколько ее последних работ, чтобы убедиться, каких разных, непохожих друг на друга героинь играет она, всегда с полной отдачей, с глубоким проникновением во внутреннюю жизнь образа.

Вот Наташа Червоная из героико-романтической драмы Ольги Берггольц «Рождены в Ленинграде». Очень сдержанно, подчас скупое, но с какой-то неповторимой пластичностью раскрывает Галина Комарова горячую, преданную и гордую душу ленинградской комсомолки, делающей все для спасения других. Какая огромная внутренняя сила, сила настоящего аждаха, чувствует в этой истощенной от голода и холода девушке, одетой в черную шубейку, перепоясанную узеньким ремешком, в каких-то очень трогательных красных вязаных варежках. А когда она снимает эти варежки, ее руки в полумраке настолько трепетно выразительны, что мы понимаем все, о чем молчит актриса. Пьеса и спектакль решены как героическая поэма. И вот эту суровую и мужественную поэзию великолепно ощущает артистка, внося в нее еще какую-то очень лирическую, очень нежную струю.

Теперь взгляните на Катю («Большое волнение» И. Дворецкого). В Наташе и в Кате есть много общего — та же бескомпромиссность и честность, та же «орда» прямоты, та же большая и трудная любовь. Но есть между ними и много разного. Катя резче, угловатее, пожалуй, гру-

вее, то мы поймем, насколько богата палитра актрисы.

А вот роль совершенно другого плана.

Это Настя из спектакля «В лесах» по роману П. Мельникова-Печерского. Единственная дочь богатого купца-прасола, живущая в таежной глуши, тихая и набожная Настя познает счастье первой трепетной и светлой любви. Здесь Комарова предстает перед нами совсем в другом качестве. Нежная и мягкая, очень лиричная, а потом совсем беззащитная перед свалившейся на нее бедой, растоптанная и сломленная, Настя все же и в смерти своей не кажется слабой. Она сильна своей огромной душевной чистотой, своей беззаветной и чистой, несмотря ни на что, любовью. Но это сила совсем другого характера, нежели сила героинь, о которых говорилось выше. Те боролись за свое счастье, Настя не могла — не то время, не те нравы, не те условия, да и не тот характер. И Комарова здесь находит совсем другие краски, она рисует свою героиню мягкой акварелью, если можно так сказать, в нестеровской манере.

Рядом с кроткой, лиричной и очень русской Настей в репертуаре Галины Комаровой есть на первый взгляд несколько неожиданная для нее роль экстравагантной, взбалмошной американки Дороти из пьесы Э. Хемингуэя «Пятая колонна». Далекая от всякой политики, Дороти и в истекающем кровью Мадриде умудряется жить в свое удовольствие — по дешевке покупает меха, любит выпить, потанцевать, меняет любовников и вдруг, именно вдруг, неожиданно для себя, влюбляется по-настоящему. Цинизм и развязность куда-то улетучиваются, опустошенная душа наполняется каким-то неизведанным доселе содержанием. Но логика событий и характеров неумолима: Дороти остается «у разбитого корыта» — слишком поздно она начинает понимать, что в жизни есть еще кое-что, помимо кокетливых и «изящного» времяпрепровождения. Вот этот внутренний трагизм опустошенной души со всеми нюансами очень умело, ярко и вместе с тем тонко передает Комарова.

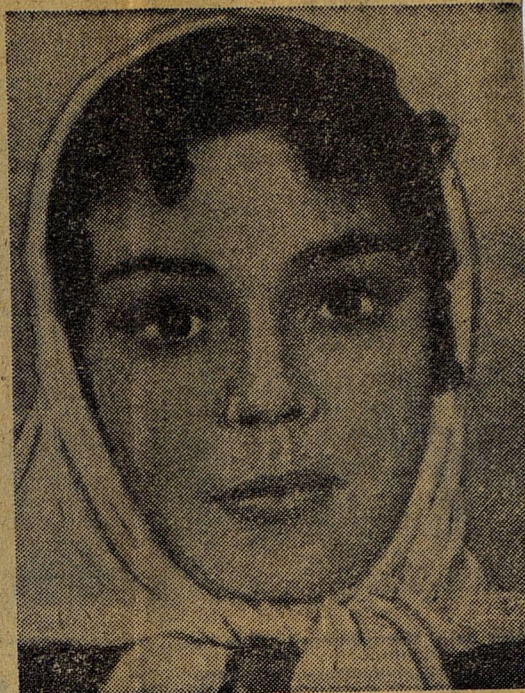
Говоря о работах Галины Комаровой, безусловно, нельзя не остановиться на ее, пожалуй, самой значительной работе. Это один из самых обаятельных, светлых и сильных образов не только русской, но и мировой литературы — образ Катюши Масловой из «Воскресения» Л. Толстого. Трудно добавить что-нибудь к тому, что уже писали о Комаровой — Катюше.

Хочется только сказать одно: всегда, когда идешь на спектакль по хорошо знакомому произведению, волнуешься, не убьет ли театр того дорогого представления, которое уже сложилось у тебя давно о том или ином литературном герое. Таким ли, как ты его представляешь, покажет театр любимого героя?

Комарова не обманула надежд — ее Катюша именно такая, именно толстовская. Помните у Толстого — «черные, как мокрая смородина», немного косящие глаза — вы видите их. Вы слышите этот немножко грудной, чуть певучий голос, ощущаете всю боль и горечь поруганной души и вместе с тем по-детски наивное непонимание смысла происходящего в суде. Вы видите, какая сложная гамма чувств бушует в сердце Катюши — Комаровой при ее разговорах с Нехлюдовым, — тут и воспоминания о прошлом счастье и, может быть, отголоски еще не совсем ушедшей любви, тут и оскорбленная женская гордость, тут и страшная обида за свою искалеченную, растоптанную жизнь. А дальше встреча с замечательными, сильными, умными людьми, обновление, воскресение, надежда на иную, светлую, умную, чистую жизнь. «Диалектика души», — говорил Чернышевский о Толстом. Вот эту диалектику очень точно, очень красиво доносит до нас умная и чуткая к настоящей человечности и широте чувств актриса Комарова.

В короткой статье трудно претендовать на детальный и исчерпывающий анализ творчества актера. Заканчивая, хочу сказать, что Галина Комарова по-прежнему в пути, но во многом она уже нашла себя. Да, диапазон ее достаточно широк, но во всех ее героинях есть общее, что ближе всего соответствует творческой индивидуальности актрисы. Все они женщины нелегкой, сложной, подчас трагической судьбы, но у Комаровой трагизм никогда не переходит в мелодраматический надрызг, а душевные беды, которые обрушиваются на ее героинь, не приводят к ущербной неполноценности. Героини Галины Комаровой всегда глубоко человечны — и в этом ее несомненная заслуга и творческое достижение.

Вадим ФРОЛОВ

Катюша Маслова из спектакля «Воскресение» Л. Н. Толстого.

Настя из спектакля «В лесах» П. Мельникова-Печерского.